

ФРЭДДИ МЕРКЬЮРИ: БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ

«Я был его сиделкой, телохранителем, стилистом и официантом. Я гладил его рубашки, готовил еду, и присматривал за ним везде, где бы мы ни появлялись. Я провел с ним пятнадцать лет, лучшие дни своей жизни, но Фрэдди умер, а я вот живу. Но если вы скажете мне, что его убил СПИД, я отвечу — ерунда, полная ерунда!»

В 1977 году «Queen» еще не были главной группой Британии и тем более всего мира (отель «Амбассадор», Лондон)

Питер Фристоун сидел в кресле-качалке и задумчиво смотрел на двух молоденьких девочек, что устроились напротив. Юные, совсем юные — пятнадцать или шестнадцать лет, но упорные! Как они его нашли? Австралийский фэн-клуб группы «Queen», Бог ты мой... Он дважды переезжал, жил в

Нью-Йорке, в Коннектикуте, и все равно они его выследили.

Ну что ж... Питер внимательно посмотрел на парочку — одна доставала диктофон, другая, наморщив лоб, листала блокнот, готовясь записывать самое главное. Он представил себе, как эта сцена выглядит со стороны — ни дать ни взять визит скаутов к ветерану Перл-Харбора. Сейчас он откроет рот и поведает им о минувших битвах и своих старых ранах... Питер хмыкнул про себя и вдруг взорвался: «Чего вы ждете — пасхального рассказа? Что вы вообще хотите услышать? Фрэдди был самым бесшабашным парнем, которого я когда-либо видел: он пил, курил и закачивал в себя столько наркотиков, что вам и не снилось, — вы об этом хотите услышать?»

Девочки ошарашенно переглянулись. «Но это же не все», — робко промолвила одна. «Да, и это же не глав-

ное», — подхватила другая. «Мы хотим знать, что он был за человек», — закончили они хором.

Не главное... Это верно. Питер собирался выставить этих свистушек за дверь, но вдруг заколебался. Не главное... За последние годы о Меркьюри не написал только ленивый. Все, кто с ним пил, записывался, дружил, знакомые и друзья знакомых... С какого-то момента Питер перестал читать воспоминания всей этой шушеры, что околачивалась вокруг Фрэдди годами, а на поверку оказалась попросту гнилью. Словно кто-то объявил конкурс на звание «Лучший друг Фрэдди» или «Главный сплетник». Чего только о нем не выдумывали — ну еще можно как-то оправдать разговоры про роман с Нижинским, но когда он прочел про карликов, которые на днях рождения Меркьюри разносили кокаин на золотых подносах! Интересно, хоть кого-нибудь волнует, что за человек был Фрэдди, о чем он думал, что ему снилось, или мир забавляют только постельные истории? Если кто-то и может рассказать об этом, то только он, Питер, — единственный, кто проводил с Меркьюри 24 часа в сутки, один из немногих, кто был в доме, когда он умирал...

СТИЛЬ песен Меркьюри, его манера держаться на сцене напомнили Питеру итальянские оперы — столь же патетичные, напыщенные и все-таки берущие за душу

Во время шоу Питер специально пошел посмотреть на выступление «Queen» и был поражен: стиль песен Меркьюри, его манера держаться на сцене напомнили ему итальянские оперы — столь же патетичные, напыщенные и все-таки берущие за душу. Он и не думал, что

Прошла неделя, и Питер уже успел позабыть об этом концерте, как вдруг приятель, устроивший его в Оперу, позвонил и предложил... поработать с «Queen» во время их тура по Британии — оказывается, Меркьюри его запомнил! «Там работы — всего ничего, — заверял приятель по телефону. — Погладить майки, проследить за костюмами, ну и так — чего попросят». Питер долго раздумывал, но все же согласился. Но, впервые оказавшись

Это была жизнь на грани, жизнь, где каждая минута проживалась как последняя, словно бы на завтра объявлен конец света и надо успеть

современный рок может быть таким театральным, а голос Меркьюри, в этом Питер мог бы поклоняться, не уступал голосам некоторых оперных теноров. Когда же зазвучала «Богемская рапсодия», новая песня «Queen», в тот момент возглавлявшая британский хит-парад, Питер неожиданно для себя пустил слезу — громадная темная сцена и одинокий Фрэдди в луче света, поющий: «Я просто бедный мальчик, никто меня не любит»... И тут все взрывается светом, и неумолимый хор, и танцоры. А он, Питер Фристоун, утирает глаза!

за сценой, где репетировали «Queen», сначала обомлел: опера — тоже довольно сложный механизм, но с концертом рок-группы, как выяснилось, его не сравнить.

Он стоял на краю сцены и ошарашенно оглядывался вокруг. Стадион, с которого «Queen» начинали свое турне, казалось, способен был вместить в себя все население Британии. Питер попытался представить, что все это пустое пространство заполнится народом, и пожегся, а вокруг него кипела жизнь: техники заканчивали монтировать декорации, кто-то налаживал свет,

команда из двадцати бодрых рабочих тестировала какие-то хитрые лазеры — сначала белые, потом зеленые и оранжевые, а рядом с ними хмурый юноша бубнил в микрофон: «Раз, два, три, проверка». Люди приходили и уходили, все тонуло в шуме и грохоте. Питер пристроился к одной компании, к другой, он уже ничего не соображал, а кто-то тем временем держал его за локоть и объяснял, в чем состоят обязанности стилиста «Queen». Вдруг все кончилось — Питер обнаружил, что стоит в маленькой комнатке, пытаясь унять сердцебиение.

Да, гримерку рок-звезд он представлял себе несколько по-другому. Повсюду — на столиках, стульях — громоздились пакеты с косметикой: коробочки с пудрой и упаковки ярко-розовой помады; на полу валялись какие-то разноцветные баллончики, в углу притаился батальон высоких кожаных сапог, а над ними висели парики — целая гвардия разноцветных париков! Глядя на эту груды теней, румян и туши, Питер подумал, что его скромный набор с актерским гримом, который он на всякий случай захватил, выглядит тут бедным родственником. Все это теперь его хозяйство: коллекция одинаковых белых и черных маек — для каждого из «Queen» своя, ворох «леопардовых» штанов, ярчайших жилеток, плащей и несурзных кожаных пиджаков с голографическими аппликациями на спине. Дел не счесть: перед каждым концертом одежда должна быть выстирана и выглажена — для каждого из четверки исполнителей Питер готовил по несколько нарядов на вечер, руководствуясь правилом, которое ему сообщил Меркьюри в первый же день: «Если у нас небольшое выступление — одеваем черное; если играем долго — готовь белое». Потом каждого надо было накрасить, уложить волосы, приходилось даже завязывать шнурки: Фрэдди обожал обтягивающие штаны, в которых невозможно было сесть, не расстегнув пару пуговиц на животе, а уж тем более нагнуться. А еще Питер готовил напитки и какую-нибудь еду на случай, если ребята проголодаются, и проверял, есть ли под рукой подходящее зеркало — артисту перед выходом на сцену обязательно надо взглянуть на свое отражение, такая примета. Сотни деталей — и за каждую теперь отвечает он, Питер Фристоун.

Так Питер отправился в турне — главное турне своей жизни, которое закончилось лишь 24 ноября 1991 года, когда Фрэдди, попытавшись встать с постели, неловко запрокинул голову и замер навсегда. Питер ездил с концертами, и его не покидало ощущение, что жизнь сыграла с ним странную шутку: забросила наблюдателем в другой мир — мир, где все носят костюмы из атласа, кожи и шелка, дарят друг другу подарки от Тиффани, где кипят нешуточные страсти — люди обожают и ненавидят друг друга, словно в греческих трагедиях; мир лимузинов, самолетов, частных вилл, дорогих яхт; мир переполненных стадионов, света, ярости, децибел, рок-н-ролла... «Живем на грани», — пел Фрэдди. «Шоу должно продолжаться!» — кричал он в микрофон, а потом убежал за сцену, и Питер знал, что у него есть минута, пока Брайан играет соло на гитаре, чтобы подать Фрэдди стакан с горячим питьем, подправить грим, поплывший от пота, и привести в порядок прическу. «Эге-гей, дорогуша, пошевеливайся!» — кричал Фрэдди и вместо напитка с медом и лимоном наливал себе полный стакан водки с тоником, выпивал его залпом и снова выбегал на сцену, а зал взрывался апло-

Иногда Фрэдди начинал яростно крушить мебель, бить бутылки о стену, пару раз вдребезги расколошматил зеркало

дисментами. Иногда, впрочем, Фрэдди появлялся с наливыми кровью глазами и начинал яростно крушить мебель, бить бутылки о стену, пару раз вдребезги расколошматил зеркало. Когда это случилось в первый раз, Питер до смерти перепутался. Он подумал, что у Фрэдди поехала-таки крыша, но рабочие сцены успокоили: значит, что-то не ладится с выступлением — зал плохо реагирует или просто Фрэдди показалось, что песню они спели неудачно. Это нормально. Иногда вместо Фрэдди за сцену прибегал Брайан, или Роджер, или Джон, и точно так же набрасывался на все, что попадалось на глаза.

Это была жизнь на грани, жизнь, где каждая минута проживалась как последняя, словно бы на завтра объяв-

лен конец света и надо успеть. После концерта Питер был весь мокрый от пота, а Фрэдди, отдышавшись, как ни в чем не бывало ехал в какой-нибудь местный клуб или на дискотеку в компании своих друзей, в которой Питер вскоре стал своим. В первую их вылазку Питер тихо сидел в углу, потягивал виски с колой и поражался: он ожидал, что вне сцены Фрэдди преобразится, станет обычным, чуть уставшим человеком, которого замучили постоянные переезды, новые лица, поклонники, весь этот шум. Питер почитывал музыкальные журналы и уже заранее нарисовал себе образ рок-звезды, но реальность опровергла все его ожидания. Фрэдди, казалось, ничуть не уставал, пьяные вечеринки и ночные вылазки в бар были для него неизменным продолжением концертов и гастролей: в любом городе, в любой стране, когда остальные музыканты «Queen» без сил валялись на кровать, Фрэдди собирал друзей, тех, кто колесил с ним по всему свету, и отправлялся отмечать удачное выступление или заливать вином провал. И пил он, между прочим, немало:

водку с тоником Меркьюри требовал наливать в большие фужеры, кричал перепуганным барменам: «Не понял дозы!» и, словно в старых вестернах, обожал гаркнуть на все заведение: «**Всем** выпивку за мой счет!» Неудивительно, что Фрэдди и его друзей во все клубы Нью-Йорка и Лондона пускали бесплатно: эта шепутная банда за ночь делала бару недельную выручку. В любой, самой незнакомой компании Фрэдди тотчас овладевал всеобщим вниманием — так было всегда, даже до того, как он стал популярным. Казалось, этот крепкий человек владеет какой-то тайной, скрытым способом всегда оставаться на плаву, быть бодрее всех, шутить, очаровывать — и приводить в бешенство, кстати, тоже.

В первый же вечер Фрэдди прозвал Питера Фэбом, и парень безропотно согласился: в этой компании все носили клички, а Фэб была далеко не самой худшей из них. Питер напряг память, вспомнил, что Фэб — это второе имя греческого бога Аполлона, покровителя искусств, и подумал, что для Меркурия Фэб — прекрасная компания. Так и вышло: через какое-то время Питер неожиданно для себя самого вошел в круг самых близких друзей Фрэдди: можно сказать, он стал штатным ангелом-хранителем Меркьюри.

«Во всем, что не касалось сцены, Фрэдди был беспомощным как младенец, — говорил Питер, а девочки записывали, удивленно подняв брови. — Он ничего не умел делать сам, не умел и не хотел: я жил с ним, заваривал ему чай и готовил завтрак, завязывал галстук, напоминал о нужных звонках, о том, что сегодня репетиция, а вечером прием в посольстве. Он мог часами выбирать себе ремень к брюкам, выбегал и спрашивал: «Ну как?» Друзья, его ожидавшие, просто выли, а я привык: просто говорил, что лучше бы взять потемнее. Я стал его памятью, записной книжкой, а отчего он мне так доверился — Бог его знает... Быть может, потому, что я никогда

Он практически не общался ни с родителями, ни с родственниками (да те к этому особенно не стремились, давно решив, что Фрэдди для них — отрезанный ломоть.

не набивался ему в приятели, а просто делал свое дело: гонял непрошенных гостей, улаживал дела, привозил его, пьяного, домой... Посторонним людям Фрэдди казался открытым, доброжелательным, но я-то знал, что на самом деле он скрытен и никогда не скажет о себе лишнего — только то, что ему нужно, ни словом больше. Что говорить: лишь прожив с ним несколько лет, я узнал, что настоящие его имя и фамилия звучат совсем по-другому и что родился он... на Занзибаре!»

...Большой дом из светлого дерева, темнокожие слуги, жара... Фрэдди не любил вспоминать детство: маль-

ния, да к тому же вырос в семье последователей зороастризма! Бог ты мой, кто бы мог подумать...

Что он помнил? Верных служанок, что делали для него все, что ни попросит; бабушку, готовящую с утра чудесную «качори» — яичницу по-индийски и дхансак из курицы. И, еще позже, шум на улицах, крики, какие-то толпы людей и перепуганных маму с папой, спешно пакующих чемоданы — на Занзибаре, этом тихом острове, произошла революция, вот уж чего никто не ожидал! Он перестал быть протекторатом Британии, и британским чиновникам здесь больше работы не было. Конеч-

Его беспорядочная жизнь началась, когда родители отдали его в школу для мальчиков. Не будь ее — все, быть может, пошло бы иначе...

чика по имени Фарух Булсара для него не существовало. Был только Фрэдди, Фрэдди Меркьюри, придуманный им самим звездный образ. Фрэдди возник в Англии, когда он с такими же жадными до славы парнями организовал очередную группу. А что было раньше — кому это интересно? Отец — бухгалтер при британском посольстве, частная школа для мальчиков близ Бомбея, куда они переехали чуть позже, пение в хоре, первые уроки рисования, первые драки и коллекция бабочек... Не очень-то романтично. Хотя журналисты, докапывающиеся до детства Меркьюри, неизменно поражались: надо же, а он, оказывается, персидского происхожде-

но, все обернулось к лучшему, Фрэдди теперь это ясно видел: из далекой Танзании они перебрались поближе к «свингующему Лондону», он поступил в колледж на факультет графического дизайна, познакомился с отличными ребятами — место было что надо, не зря здесь до него учились основатель «The Who» и гитарист «Rolling Stones». Фрэдди взял себе псевдоним и никогда больше не вспоминал о своем детстве.

Почему так? Быть может, дело в отвратительном парне по кличке Мастер, толстом и несимпатичном, который однажды заманил его в пустую раздевалку и... Нет, Фрэдди никому не рассказал тогда о случившемся, а

сейчас он не хотел даже думать об этом: вышло бы, что вся его жизнь, беспорядочная, растрепанная, в которой нет и, видимо, не будет настоящей семьи и детей, началась в тот год, когда родители отдали его в эту чертову школу для мальчиков. Не будь ее — все, быть может, пошло бы иначе...

Нет, Фрэдди не допускал таких мыслей, он запер их в самый дальний угол своего подсознания и никогда к ним не возвращался; никогда и никому не рассказывал о детстве и даже с родителями практически не общался (да те к этому особенно не стремились, давно решив, что Фрэдди для них — отрезанный ломоть). Поверить во все это — означало признать, что его жизнь ему не принадлежит, что вся она — цепь случайностей и зиждется на такой же дурацкой случайности.

На это он никак не мог согласиться. «Все под контролем!» — таков был лозунг Фрэдди: он следил за каждой мелочью, вникал во все детали, ничто в собственной жизни и в жизни «Queen» не происходило без его ведома. Недаром менеджеры группы порой чуть не выли, сталкиваясь с безудержным эгоцентризмом Меркьюри: даже обложки альбомов он по возможности рисовал сам, а когда появились деньги, организовал целых четыре компании, которые занимались делами группы: «Queen music», «Queen video», «Queen production» и «Rainbow production». Друзья, журналисты, поклонники — все вертелось по строго определенной орбите вокруг планеты Фрэдди, а он был Солнцем, королем этого суматошного мира.

И такой подход конечно же принес свои плоды. Странно, но еще в Индии он отчего-то знал, что будет звездой, видел это так же ясно, как позже — далекий про-

Пресса поначалу ругала «Queen» за дурной вкус и показуху, но Фрэдди было наплевать!

С Мэри Остин Меркьюри познакомился, когда учился в колледже. Они прожили вместе долгих семь лет (невиданный срок для ветреного Фрэдди!) и не переставали общаться до самой его смерти

тивоположный берег Женевского озера в безветренную погоду, озера, где он так часто любил бывать, когда стал знаменитым. «Я буду не звездой — я буду легендой!» — кричал он в запале в маленьком лондонском кабачке, окруженный друзьями, и те только диву давались: о чем он говорит? Сидевшие поодаль присматривались: а, это Фрэдди с дизайнерского, он еще поет в каких-то студенческих группах — «Smile», кажется, и «Wreckage». И что он такое говорит — легендой?! Какой забавный парень...

«Я буду не звездой — я буду легендой!» — кричал он в запале в маленьком лондонском кабачке, окруженный друзьями

Сейчас Фрэдди и сам был не прочь посмеяться, ведь жизнь показала, что прав он, а не эти тугодумы. Он вспоминал изумленные лица первых слушателей «Queen» и хохотал от души: они тогда выступали на каких-то сельских ярмарках, местных фестивалях, и пейзажи обалдели смотрели на четырех оборотов, разодетых, как беглые принцы: в шелка, атласные жилетки — и увешанных килограммами поддельного золота. Никто их даже не освистывал — все просто стояли и тупо смотрели: им, наверное, казалось, что мир сошел с ума. Так же принимали их на первых гастролях: в Австралию, помнится, они приехали на какой-то благотворительный фестиваль и произвели неслыханный фурор. Ну еще бы: все вокруг в май-

ках, в джинсах, а эти четверо прикатили в громадном лимузине, который не вписывался в повороты, разделись в кожу, покрасили лица... Никто не знал, что и думать. Журналисты их тогда разделали под орех — за дурной вкус, за показуху, но Фрэдди было наплевать: журналисты — тупой народец, слава Богу, от их мнения ничего не зависит — пластинки-то продаются на ура! Да и как, скажите на милость, прикажете преподносить свои песни — это же не примитивщина какая-то, не песенки на три ак-

корда, тут, считай, целые симфонии, тут нужен пафос, поза, дым, лазеры, спецэффекты. Разве не так?

Вот сейчас пошли денки что надо: денег навалом, что хочешь — то и делай. Хочешь фейерверк или чтоб над сценой светились громадная корона — пожалуйста, хочешь, чтоб у тебя на записи пел хор из ста человек, — ради Бога. Те, кто был на их концертах, будут о них рассказывать внукам, в этом Фрэдди уверен. А те, кто присутствовал на его частных вечеринках и днях рождения, — тем более. Фрэдди представил, что сказали бы его школьные друзья, попади они, допустим, на презентацию альбома «Джаз», — и не нашел ответа: временами ему и самому казалось, что он сошел с ума. Акробаты, женщины-

змеи, трансвеститы-стриптизерши, бородатые женщины, толстяки, что дышали огнем, шпагоглотатели... Вряд ли кто забудет и его фирменную задумку, кривое дерево, которое он с друзьями сооружал на каждый праздник: берется проволочная сетка, сворачивается конусом, и на нее нанизывают крупных таких креветочек. Получается почти как у Дали, только живьем.

Бывал ли он счастлив? Фрэдди не раз задавал себе этот вопрос, особенно под конец, когда все уже было ясно. И отвечал: да. Этот мир не разочаровал его, он предлагал все новые и новые развлечения, скучать не приходилось: лю-

это водится, по большей части всякую чушь: слухи, сплетни, россказни. «А, чтоб они сдохли, эти недоумки!» — восклицал Фрэдди почти восторженно, глядя в газетные страницы, и вставал приободренный — теперь можно начинать день. Адреналин был его главным наркотиком — впрочем, и от остальных он никогда не отказывался.

Да и что оно такое, счастье? Он привык никому не доверять, слишком рано столкнувшись с предательством, но под конец жизни неожиданно понял, что есть, есть вокруг близкие, преданные ему люди — и Питер по кличке Фэб был, конечно, из их числа. И была еще Мэри Остин:

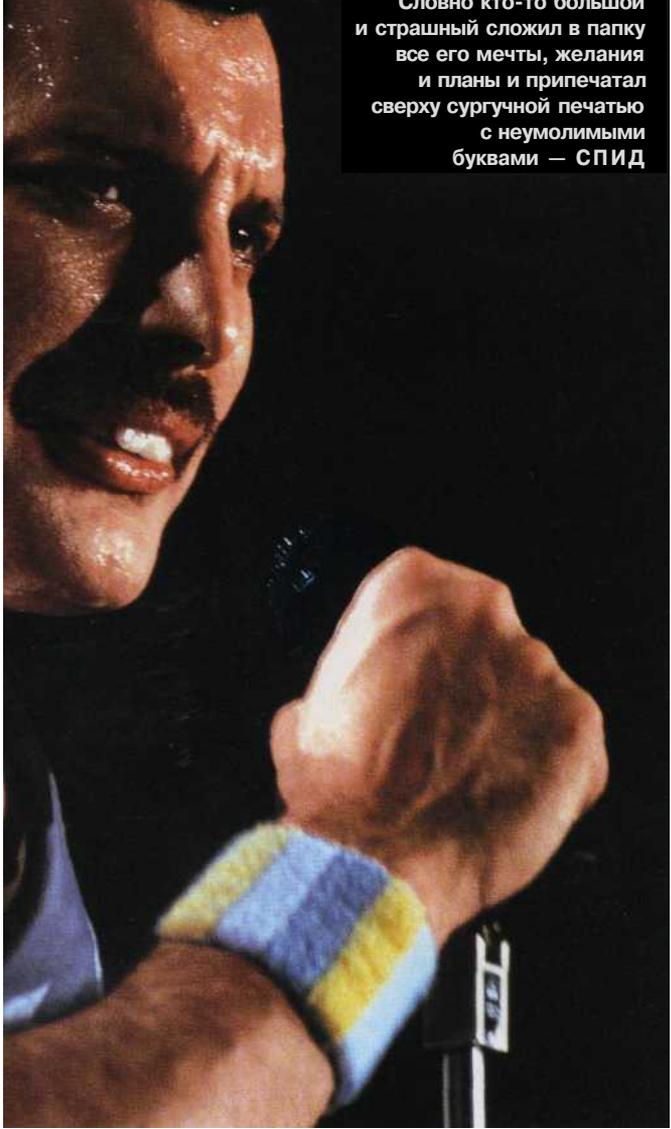
Мэри понимала его лучше всех, и он иногда называл ее своей вечной невестой и говорил, что если бы и женился, то только на ней

ди, лица, города, чужие страны, новые увлечения. И его романы, и разрывы, и предательства, и дни, когда хотелось выть и биться об стену, — все это было необходимо, без этого он не написал бы ни единой строчки, Меркьюри бы уверен точно. Без конфликтов, стычек он не мог прожить и дня, они подзаряжали его, как подзаряжают старую батарейку. Если день начинался спокойно, он брался читать свежую прессу и тут же находил повод, чтобы разразиться отборными ругательствами — тем более что про «Queen» тогда писали чуть ли не ежедневно и, как

женщина, которая значила для него больше, чем кто то ни было. Она понимала его лучше всех, и он иногда называл ее своей вечной невестой и говорил, что если бы и женился когда-нибудь, то только на ней. Они познакомились, когда он учился в колледже, прожили вместе долгих семь лет (невиданный срок для ветреного Фрэдди!) и не переставали общаться до самой его смерти: когда ему становилось совсем плохо, он звонил ей с любого конца света и говорил, говорил... Видит Бог, он тогда всерьез думал о семье, о своем доме, но понял, что все это,

В любой, самой незнакомой компании Фрэдди тотчас овладевал всеобщим вниманием — так было всегда, даже до того, как он стал популярным

Словно кто-то большой и страшный сложил в папку все его мечты, желания и планы и припечатал сверху сургучной печатью с неумолимыми буквами — СПИД

ной глупости в жизни считал сон: столько времени проходит впустую! И потому он нюхал кокаин и глотал экстази, стремясь превратить ночь в день, не спал сутками, а потом, прикорнув на несколько часов, принимал ледяную ванну — и вперед, на репетицию или дружескую попойку! Жизнь неслась вперед метеором, впереди, казалось, целая вечность — и вдруг все внезапно кончилось: однажды Фрэдди вернулся от доктора и сел смотреть телевизор, но мысли его были далеко от вечернего ток-шоу. Словно кто-то большой и страшный сложил в папку все его мечты, желания и планы и припечатал сверху сургучной печатью с неумолимыми буквами — СПИД.

«Вам сложно представить, — говорил Питер, — какой ужас накрыл божемный Нью-Йорк, когда появились первые слухи о СПИДе. Вы живете в начале нового века, слышите о нем каждый день, а тогда никто ничего не знал, ходили только какие-то ужасные истории, и никто не знал, чему верить. Неизвестная болезнь, от которой нет лекарств, никто не может выделить даже возбудитель, и косит она исключительно геев и наркоманов — вот что обрушилось тогда на нас. И многие восприняли это не как эпидемию, нет, как знак свыше, как Божью кару. Как же иначе? И Фрэдди, я знаю, тоже думал об этом, и мне кажется, что, когда СПИД только начал распространяться в нашем кругу, он воспринял это как вызов судьбы. Он ведь не успокоился, нет, наоборот, он словно бы погряз в случайных знакомствах, делал это как будто специально — словно играл в русскую рулетку, понимаете? Может быть, он чувствовал, что никогда больше не получит столько адреналина, не знаю — важно лишь то, что он проиграл в этой игре.

Но не смирился, нет. Сама мысль, что какая-то неизвестная дрянь оказалась сильнее его, что из-за нее вся его жизнь полетела в тартарары, была для Фрэдди мучительнее, чем все, что он переживал физически — а порой это были просто чудовищные муки, уверяю вас. Но нет, не СПИД убил его, он сам убил себя — в тот самый день, когда отказался от лечения».

Девочки охнули: «Отказался?!»

«Да, об этом мало кто знает, но в один прекрасный

Вдруг все внезапно кончилось: Фрэдди вернулся от доктора и сел смотреть телевизор, но мысли его были далеко от вечернего ток-шоу...

увы, не для него — в жизни Фрэдди Меркьюри нет места тихому благополучному раю, да, может, оно и к лучшему — ведь есть, в конце концов, работа, счастье выходить на сцену и любимый дом, нет, несколько домов — в Нью-Йорке, в Англии и на берегу Женевского озера.

Коллекционирование было его главным хобби: он обставлял свои многочисленные дома антиквариатом, а единственным его чтением были каталоги художественных аукционов. Книги он втайне презирал: кому нужны эти придуманные истории, когда вокруг так много настоящих, только открой глаза и уши! Да к тому же где найти время, чтобы прочитать что-нибудь от начала и до конца? Фрэдди летел куда-то, хотел схватить все удовольствия сразу, даже фильмы с трудом досиживал до конца, а глав-

день Фрэдди отказался принимать лекарства, даже обезболивающие. Фрэдди лежал на своей громадной постели в окружении любимых кошек, посеревший, ослабевший, и никого не хотел видеть, а я сидел внизу, в своей комнате, и ждал, когда он нажмет на кнопку звонка, чтобы принести ему чай или фрукты, или просто зайти и посидеть рядом. И однажды не дождался... Он мог прожить еще годы, примеров тому масса, на лекарствах, переливаниях крови, процедурах — к его услугам были лучшие врачи мира, в конце концов. Но Фрэдди и здесь захотел остаться хозяином положения, жить растением и ожидать смерти было не в его характере: он предпочел уйти быстро, угаснуть, чтобы друзья не видели, как он мучается. Так и случилось...»

Ханна Лебовски